

Масштаб личности*

Прошло полгода со дня смерти Ромэна Гафановича Назирова

Сергей С. Шаулов

Дом-музей М. Ю. Лермонтова

Умер не просто профессор, известный и в России, и за рубежом литературовед, фольклорист, историк культуры, специалист практически во всех областях гуманитарного знания. Филологический факультет Башкирского университета потерял целый мир идей и исканий, особый стиль мышления и поведения, свойственный только Ромэну Гафановичу, в конце концов, мы потеряли ярчайшего представителя классической университетской культуры.

Эти шестимесячной давности дни в памяти останутся одним главным чувством: даже не горем, не болью утраты, а почти физическим ощущением какого-то подлого и жестокого удара по лицу, и мысль бегала одна: как же так, почему так внезапно?

В филологии есть термин «Большое время». Это время больших и долгих (измеряющихся столетиями) изменений культур и народов, в него умещаются жизни целых цивилизаций. Настоящий литературовед и культуролог должен ориентироваться в этом времени как у себя дома. Ромэн Гафанович сделал больше — он жил в этом времени. История человеческого духа была его домом и родиной.

Я могу только строить догадки о том, как он сумел это сделать, могу только собирать свои и чужие (по большей части, чужие) воспоминания о непрерывной работе, мысли, о том колоссальном, совершенно не представимом для нашего поколения пути образования и самообразования, который он прошел. Ромэн Гафанович принадлежал к очень малочисленным в наше время людям, для которых ценны сами по себе мысль и знание, а не только их материальное выражение и результат.

При этом он умел интересоваться сиюминутным: критиковал власть — иногда язвительно и остроумно, иногда зло, умел дать очень едкую и емкую характеристику человеку, поступку, книге, фильму, газетной статье. Был по-настоящему живым человеком с непростым характером, склонным к безапелляционности, жестким, обаятельным и демократичным. Только к быту относился несколько свысока, изредка достаивая материальность жизни своего внимания. Так, во всяком случае, казалось.

И еще казалось, что он, свободно, оригинально и верно говорящий о далеком прошлом, никогда не умрет. Такая вот была глупая уверенность, помешавшая (не знаю, как остальным его ученикам, а мне — точно) взять все, что он хотел и мог нам дать. Надо, надо было слушать, запоминать, впитывать, ведь то, что он говорил, было смыслом и целью его жиз-

*Статья вышла в уфимской газете в 2004 году.

ни, плодом его ночных бдений за письменным столом, неповторимым и неповторяющимся. Теперь поздно.

Мое поколение выпускников филологического факультета, пожалуй, стало последним, кому повезло слушать назировские лекции. Боюсь, не сумею объяснить нынешним первокурсникам, что именно они потеряли. Скажу только, что даже самые ленивые студенты лекции Назирова без всякого принуждения обычно начинали записывать дословно.

При этом Ромэн Гафанович никогда никого не запугивал, его занятия старались не пропускать из интереса, а не из страха. Оправдание требовалось для себя, а не для лектора. Когда я однажды честно ответил на его вопрос о пропущенной лекции, то причину он счел извинительной, хотя и съязвил, что следовало бы согласовывать личное и учебное расписание. Служебная роль (а он так и говорил: «Я служу в университете!») всегда была в подчинении у человеческого естества.

Позже, в преддипломную и аспирантскую пору, начались споры, в которых я, как, наверное, и все его ученики, обычно терпел поражение. Очень трудно спорить с человеком, хранящим в активной памяти все богатство мировой культуры плюс огромный багаж научных концепций и мнений по поводу любого вопроса, да еще и обладающим к тому же острейшей способностью к анализу и сопоставлению. Зато, если он (очень редко) соглашался и хвалил («неплохо»), какой это бывал триумф!

Он как-то сказал нам, первокурсникам, на одной из лекций, что настоящую поэзию отличает прежде всего не техническое мастерство, а масштаб личности поэта. Теперь мне кажется, что это верно не только по отношению к стихотворцам. Однажды я принес ему некий опус по поводу одного современного поэта, которым тогда был увлечен, и рецензия последовала такая: «Большими вещами нужно заниматься, не разменивать себя по мелочам».

У него это получилось. Потому и не смог университет в день похорон вместить толпы учеников, пришедших проститься с учителем.

Важно! По филологическому факультету упорно бродит идея организации Назировских научных чтений. Очень хочется ее осуществить. Лучшего памятника Ромэну Гафановичу просто не может быть.

P. S. Будущей осенью Ромэн Гафанович собирался на очередной конгресс Международного общества Достоевского в Женеву. Когда он попросил меня продублировать электронной почтой его заявку на эту конференцию (своего компьютера у него не было), от предполагаемой темы меня слегка передернуло. Формулировалась она примерно так: «Ритуалы смерти у Достоевского». Может быть, он хотел выявить следы фольклорных похоронных ритуалов в произведениях любимого писателя, соединив таким образом два направления своей научной мысли? Не знаю. Но и подумать я тогда не мог, что в скором времени эта формулировка покажется пророческой.

Впрочем, потом мы все искали и находили какие-то приметы, случаи, фразы и задним числом называли их пророческими. Легче от этого не становилось.